

**I.A. Mihalevitsh**  
Grodno Yanka Kupala State University  
e-mail: irkahudoba@mail.ru

### **The character system in S.I. Witkevich's novels «Farewell to Autumn» and «Insatiability»**

*Key words: S.I. Witkevich, «Farewell to autumn», «Insatiability», character system, main character, minor character.*

*This article is devoted to the analysis of the character system of the most famous novels of the Polish writer Stanislaw Ignacy Witkiewicz «Farewell to autumn» and «Insatiability». The study of the character system plays an important role in the analysis of a literary text, since it is one of the most important means of comprehending the meaning of a literary work as an artistic whole. The article defines the main types of characters, describes their relationships, identifies similarities and differences in the author's embodiment of similar characters.*

**Д.А. Молчанова**  
Белорусский государственный университет  
e-mail: anafielas@yandex.ru

УДК 821.161.1

### **«СОБЫТИЕ РАССКАЗЫВАНИЯ» И «РАССКАЗАННОЕ СОБЫТИЕ» В СТИХОТВОРЕНИИ А.А. ФЕТА «Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ С ПРИВЕТОМ...»**

*Ключевые слова: нарратив, перформатив, лирика, событие, лирический сюжет.*

*В стихотворении А.А. Фета просматривается нарративный принцип текстопостроения: вербализована интенция рассказчика, задана референтная картина мира с ее пространственно-временными характеристиками, имеют место квазиэпизоды, которые могли бы быть развернуты в нарративный сюжет. Однако поскольку лирическое высказывание представляет собой перформатив, а не нарратив, все названные структуры имеют отличные от нарратологических функции.*

На сегодняшний день одним из возможных способов демаркации эпических и лирических жанров является признание нарративной природы первых и перформативной природы вторых [См. об этом: 6]. Позиционирование субъекта, объекта и адресата высказываний, относящихся к этим двум родам, в таком случае будет принципиально различным. Выбранное нами в качестве материала для анализа стихотворение А.А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...» (1843) представляет интерес постольку, поскольку в нем эксплицировано намерение выступить «рассказчиком»,

нарратором, и имплицировано собственно лирическое событие. Рассматривая в данной статье субъектно-объектную структуру произведения, мы намерены установить, с какой целью автор использовал псевдонарративную структуру при оформлении перформативного содержания.

Стихотворение А.А. Фета не может быть в полной мере отнесено к той категории лирических произведений, которую принято называть «лирикой с нарративным компонентом» (В.И. Тюпа) или «поэтическим нарративом» (А.А. Чевтаев), поскольку для такой атрибуции требуется известная хромотопичность и система персонажей, позволяющие осуществить эпизодизацию интриги. Однако в стихотворении со всей очевидностью обращает на себя внимание декларируемое лирическим героем намерение: «я пришел... *рассказать*»<sup>2</sup>, организующее затем композицию стихотворения как «совокупность факторов художественного впечатления» (М.М. Бахтин). Несовпадение этого намерения с результатом (результат – лирический перформатив, «высказывание-действие», а не эпический нарратив как двоякособытийный «рассказ»; иными словами, по прочтении стихотворения мы не можем ответить лирическому герою: «Ну, рассказывай», поскольку «событие рассказывания» уже состоялось) заставляет нас обратить пристальное внимание на ту роль, которую играют в стихотворении нарратологические категории.

Двоякособытийный по природе своей нарратив<sup>3</sup> предполагает наличие точки зрения, эксплицирующей повествователя (свидетеля некоторого события, носителя единицы опыта); интриги, организующей внимание «неведающего» реципиента, а также события (цепочки событий), как раз и преобразуемого в «рассказ».

Ключевой для нарратологии категорией является, без сомнения, категория события, под которой предлагается понимать «перемещение персонажа, внешнее или внутреннее (путешествие, поступок, духовный акт), через границу, разделяющую части или сферы изображенного пространства и моменты художественного времени, связанное с осуществлением его цели или, наоборот, отказом или отклонением от нее, а также преодолением препятствий» [4, с. 239]. Такая универсальная трактовка события в художественном тексте может быть с успехом применена и к лирическому произведению, однако с некоторыми оговорками, о чем будет сказано ниже. Если же мы говорим о нарративе, то следует иметь в виду, что не каждое происшествие в мире персонажей можно считать событием: статус событийности те или иные изменения состояния обретают в зависимости от их значимости в рамках картины мира, данной в произведении.

---

<sup>2</sup> Здесь и далее цит. по: [8, с. 254].

<sup>3</sup> «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» [1, с. 403–404].

Если оттолкнуться от статуса событийности повествуемого, то на роль «нарративных» событий выдвигаются: восход солнца («солнце встало»), пробуждение леса («лес проснулся..., встрепенулся / и весенней полон жаждой»). Однако их существенная значимость актуальна лишь в мифологической картине мира, поскольку событие в «рассказе», как единица опыта, по умолчанию обладает такими признаками, как однократность, дискретность и непредсказуемость [6, с. 34]. Восход солнца и наступление весны процессуальны, т. е. предсказуемы и доступны прогнозированию. Далее, в стихотворении имеет место такое «происшествие», которое обозначено в первом стихе как «я пришел», однако однократность и непредсказуемость этого псевдособытия также снимается в стихотворении; строфа III: «...как вчера, пришел я *снова*». Иными словами, «нарративное» намерение говорящего изначально обречено на провал, если полагать, что его намерением является сообщить новую информацию о мире, поделиться полученным опытом бытия.

В отличие от нарратива, в котором отмеченные выше процессы (восход солнца, наступление весны) никак не могли бы обрести статус события, в лирическом перформативе они играют, как нам думается, весьма важную роль – задают систему ценностей, формируют ценностную архитектуру эстетического объекта. Поскольку в лирическом тексте существует только то, что названо (такова особенность лирического мировидения, предполагающего предельную сосредоточенность лирического субъекта), актуализация процессов (а не событий) эксплицирует некоторое мировоззрение, а именно – видение мира в аспекте повторяющегося, прецедентного, стабильного, повседневного. Иными словами, самоактуализация лирического субъекта осуществляется в итеративном мире «вечного повторения».

В отличие от «нарративного форматирования» действительности путем надления сменяющих друг друга состояний статусом событийности (за счет чего и образуется система эпизодов эпического текста), лирический перформатив осуществляет «переформатирование» мира («семантического поля») в соответствии с некоторым модусом самоактуализации, который связан в неразрывное единство с ценностной архитектурой того или иного лирического дискурса [См. об этом: 6, с. 112–143]. Так, выявленная нами архитектура «вечного повторения» предполагает прецедентный модус самоактуализации: «я такой же, как другие, как все люди моего круга, в пределе – как все люди» [Там же, с. 132].

Сосредоточимся теперь на лирическом сюжете и событии, организующем стихотворение. По мысли Н. Д. Тамарченко, «развивается в лирическом стихотворении не фабульное событие (там, где оно есть), но и не рассказывание само по себе (которое ведется с «фиксированной точки»), а именно то самое «подвижное соотношение» между ними, которое представляет собою не что иное, как рефлексию» [5, с. 354]. Действительно, несмотря на наличие фабульного события («Я пришел к тебе с приветом...») и ряда отмеченных нами выше квазисобытий, в стихотворении не удается

вычленив эпизоды, свидетельствующие о развитии нарративной интриги. Эпизоды в эпическом тексте характеризуются единством пространственно-временного и актантного состава, а о смене их свидетельствует изменение времени, места, числа персонажей. Если говорить о пространственно-временной организации мира стихотворения, то отчетливо ощущается нехватка пространственных ориентиров, в то время как временные, на первый взгляд, считываются легко: «солнце встало» – значит, утро, день; «лес проснулся» и «весенней полон жаждой» – значит, весна. Тем не менее, нам неизвестно, какая временная дистанция отделяет нас в момент «события рассказывания» от «рассказанного события», что затрудняет атрибуцию и понижает хромотопичность текста. Не происходит и изменений в пространственно-временной сфере: время дано как некий длящийся момент, можно даже говорить о вневременном характере данных событий.

Что же касается актантного состава, то он также стабилен, с первой строки заданы два «лица» – первое и второе. И хотя в стихотворении, помимо «повествователя», есть «другой», эксплицированный местоимением второго лица, однако он (она) не может считаться персонажем, поскольку не являет собой «видимую и оформленную индивидуальность» (М.М. Бахтин). Вместе с тем, отнести это «второе лицо» к числу т. н. «персонажей-объектов» [См.: 7, с. 103] тоже не представляется возможным, поскольку к нему (к ней) обращена речь лирического героя в ожидании ответной реплики («пришел... с приветом»), что наделяет другое «я» статусом субъекта, равного участника коммуникации, но не объекта («то, о чем говорится»). Вместе с тем, другое «я» ставится в позицию ценностного центра лирического мира, к которому устремляется лирические «я»:

*Рассказать, что с той же страстью,  
Как вчера, пришел я снова,  
Что душа всё так же счастью  
И тебе служить готова.*

Нам думается, что структура «субъект и адресат высказывания» помещена внутрь лирического мира и подлежит рефлексии так же, как и рассказываемые «события», и само рассказывание. Центростремительная архитектуроника перформатива покоя предполагает такого лирического субъекта, самоактуализация которого носит прецедентный характер, со стороны же реципиента естественным образом возникает хоровая солидарность с поэтом за счет реализуемой стихотворным перформативом суггестии идентичности [См.: 6, с. 129–135].

Поскольку статус событийности рассказываемых происшествий намеренно ослаблен, фокус внимания переносится на вербально акцентированное «событие рассказывания», которое, в свою очередь, организовано одной лишь точкой зрения лирического субъекта. Тем не менее, именно ее динамика реализует интенцию на постижение смысла индивидуального бытия лирического «я».

По меткому замечанию Р. Якобсона, любой объект, на который направляется внимание лирического субъекта, есть «не более чем приложение, аксессуар, задний план для первого лица настоящего времени» [10, с. 327]. В таком случае солнце и лес, включенные в кругозор лирического субъекта, следует рассматривать как экспликанты его состояния. Это вполне согласуется с тем характером лирики А. А. Фета, который выявил и описал С. Н. Бройтман: по мысли ученого, в стихотворениях Фета «“обаяние” природы обуславливает намечающееся изменение душевного состояния героев» [2, с. 183]. В рассматриваемом нами стихотворении наблюдение лирического субъекта над природой, фиксация ее процессов сопровождаются необходимостью непосредственного высказывания. Это высказывание сперва строится по нарративному типу – как рассказывание, однако в финальной строфе возникает образ песни: «...не знаю сам, что́ буду / Петь, – но только песня зреет».

Если нарративный сюжет – это конфигурация эпизодов, то лирический – конфигурация состояний лирического «я», объединенных актом его рефлексии. В словаре «Поэтика» предлагается понимать под лирическим сюжетом «развертывание рефлексии лирического «я», направленное к преодолению внутренних границ мира и сознания героя актом его самосознания» [4, с. 115]. В стихотворении А. А. Фета нарративный принцип текстопостроения (введение в фокус внимания лирического субъекта двух событий – рассказанного и события рассказывания) обретает ценностно-смысловой статус постольку, поскольку тем самым задается идиллическая ценностная архитектура, необходимая для самоактуализации лирического «я».

Точка зрения в стихотворении, хоть и принадлежит одному и тому же субъекту, изменяется с «авторской» на точку зрения «героя» (в терминологии Б. О. Кормана). Если «главным является не автохарактеристика» субъекта, «а какое-то наблюдение или размышление, которому, благодаря объективным образам, придается внеличное значение» [3, с. 43–44], то мы имеем дело с «автором» как формой выражения авторского сознания; если же «прямооценочная «точка зрения», направленная на переживания самого субъекта, соотносится с рассказом о событиях, в которые он включен» [9, с. 108], то в таком случае субъектом высказывания признается лирический герой. В рассматриваемом стихотворении внимание лирического субъекта вначале обращено на внешние события, он выступает по отношению к ним как наблюдатель, затем впечатление покоя и «прецедентности» мира переносится внутрь, интериоризуется, а процесс высказывания овнешняет для адресата динамику внутренней рефлексии.

Еще одним существенным отличием эпического нарратива от лирического перформатива является принципиальное несовпадение во времени-пространстве двух событий – рассказанного и события самого рассказывания. Лирический мир, в противоположность эпическому, создается самим

актом высказывания, «дистанция между референтной и коммуникативной сторонами высказывания в данном случае не пространственно-временная (не нарративная), но архитектурная – это дистанция между внутренним и внешним аспектами бытия» [6, с. 116]. Если экстраполировать концепцию архитектурной дистанции на структуру рассматриваемого стихотворения, то внешний аспект бытия предстанет в виде «рассказанного события», внутренний же – «события рассказывания». Дистанция между ними преодолевается в акте рефлексии за счет постепенной интериоризации картин и процессов внешнего мира и сопутствующей этому метафоризации («песня зреет» – лишь еще одна реализация мотива весеннего оживления, наряду с «полным жаждой» лесом), приводящей лирического героя к откровению собственной поэтической сущности.

#### Литература

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: «Художественная литература», 1975. – 504 с.
2. Бройтман, С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура) / С.Н. Бройтман. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. – 307 с.
3. Корман, Б.О. Лирика Некрасова / Б.О. Корман. – Ижевск: «Удмуртия», 1978. – 300 с.
4. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Издательство Intrada, 2008. – 358 с.
5. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак.: В 2-х т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 1: Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
6. Тюпа, В.И. Дискурс / Жанр / В.И. Тюпа. – М.: Intrada, 2013. – 211 с.
7. Фарино, Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие / Е. Фарино. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с.
8. Фет, А.А. Полное собрание стихотворений / А.А. Фет. – Л.: Советский писатель, Ленингр. отд-е, 1959. – 897 с.
9. Чевтаев, А.А. Повествовательность в лирике и концепция Б.О. Кормана / А.А. Чевтаев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2006. – № 21-1. – С. 103–114.
10. Якобсон, Р.Я. Работы по поэтике: Переводы / Р.Я. Якобсон / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

**D.A. Molchanova**  
Belarusian State University  
e-mail: anafielas@yandex.ru

#### **The value-semantic status of the «event of storytelling» in the poem of A.A. Fet «I have come to say good morning...»**

*Key words: narrative, performative, lyrics, idyll, event.*

*In the poem by A.A. Fet, the narrative principle of text construction can be seen: the narrator's intonation is verbalized, a reference view of the world with its spatial and temporal characteristics is set, quasiepisodes could be deployed in a narrative plot. However, since a lyrical utterance is a performative, not a narrative, all of these structures have different functions from narratological ones.*